

Вопросы безопасности Чернобыльской АЭС глубоко волнуют не только общественность примыкающих к ней территорий Украины и Белоруссии, но и самих работников станции. После опубликования статьи «Кто нажимает кнопку» («Трудовая вахта» № 52 [98] от 5. 10. 89 г.) в редакцию позвонили электрослесарь РЦ-4 ЧАЭС, председатель цехкома, член президиума профкома станции, заместитель председателя комиссии профкома по охране труда В. ВАРИЦКИЙ и мастер цеха централизованного ремонта станции, депутат Славутичского городского Совета народных депутатов И. ЛАВРИЧЕНКО. С ними встретился наш корреспондент.

— Владимир Евгеньевич, Иван Иванович, что побудило вас обратиться в редакцию?

В. Варицкий. Дело в том, что статья «Кто нажимает кнопку», в целом объективно освещая работу по повышению безопасности станции, все же страдает некоторой односторонностью, отражает, в основном, точку зрения, подходы к проблеме руководителей АЭС. А существуют и другие суждения о нынешнем состоянии дел по обеспечению безопасной работы станции, предложения по ее повышению.

Чтобы понять, почему на ЧАЭС сложилась, на мой взгляд, неблагоприятная обстановка по обеспечению безопасности, следует обратиться к недавним событиям. Важнейшим из них является смена коллектива. Со станции ушло 3,5 тысячи специалистов. Почему это случилось — разговор особый, но вкратце скажу: людей обидели невниманием к их нуждам и заботам, скрыли от них постановление о праве бронирования жилплощади в населенных пунктах страны при переезде на жительство в город Славутич. В результате был набран практически новый коллектив станции.

Хочу отметить, что возможность такой ситуации, видимо, была предусмотрена и руководством станции, и министерством. Так, министерством была утверждена программа по подбору кадров на ЧАЭС, привлечению специалистов с других атомных станций, с предприятий Минсредмаша. Но программа эта в полном объеме выполнена не была. Причина проста: хорошие специалисты на любом месте достаточно ценимы, обжились и менять место работы и жительства стимула не имеют. Так что хороших специалистов набрать не удалось. Как пример скажу, что по оперативному и ремонтному персоналу кадровый вопрос у нас до сих пор не решен. На станцию пришли люди, которые не обладали достаточным уровнем профессиональных знаний и опытом эксплуатации АЭС. Как следствие этого — количество остановов увеличилось, выработка электроэнергии уменьшилась.

Все меры, направленные на повышение безопасности работы станции, о которых рассказывали в нашей газете руководители ЧАЭС, преследуют цель административным, экономическим путем заставить персонал работать лучше. Но как этого можно достичь, если нет опыта работы? Путь я вижу только один — создать действенную систему обучения кадров. Та, что сегодня действует, своей цели не достигает. Нужно активнее использовать опыт кадровых работников станции, поощрять за его передачу, предоставлять время на работу с пополнением. Естественно, у нас не садят просто так человека за пульт. Он проходит длительную стажировку под контролем основного персонала, работает дублером. Потом сдает соответствующие экзамены. Но не всегда эта система эффективна.

И. Лавриченко. Хочу сказать, что люди к нам пришли хорошие. Но они не готовые энергетика. Персонал учат пока по шаблону. Я считаю, что персонал

должен учиться там, где он работает.

Теперь о сроках ремонта. Раньше, когда станция была новой, имела опытный персонал, срок ремонта одного блока составлял 40 суток. Сегодня, когда блоки проработали по 10—12 лет, а персонал почти полностью заменен, срок ремонта те же 40 суток. Где здесь логика? Да и эти плановые 40 суток мы не можем использовать в полном объеме. То не допускают ремонтников, то что-то запускают... Из-за недоукомплектованности штата ремонтников во время ремонта блоков большинству из них приходится оставаться на сверхурочную работу. Усталость накапливается. Может ли в такой обстановке человек не допустить ошибки? Он ее обязательно допустит! Может уснуть? Может! Может что-то недоделать? Тоже может! Это дает сегодня право говорить о ситуации, которая может привести к тяжелым последствиям. И у нас уже были случаи, что человек был ошпарен контурной водой,

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ МНЕНИЙ

И ОПЯТЬ

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ
ФАКТОР

что в контуре забыли перчатку. И случилось это не потому, что люди безответственные, а потому, что устали. Каждый должен отработать положенное время и отдохнуть полноценно, восстановить силы, чтобы на другой день качественно выполнять свое дело. А когда в таких условиях учиться? За 40 суток ремонта энергоблока ремонтники получают до 35 отгулов. Берут их и идут гулять. Так что все перерывы между ремонтами, которые нужно отдать учебе, фактически используются для отдыха.

Вообще, на мой взгляд, безопасность работы станции очень тесно увязана с условиями труда, быта и отдыха персонала, обстановкой в Славутиче и т. п. Ведь зависит все от людей, конкретного человека. От его отношения к делу, настроения, самочувствия. Поясню на примере. Если у человека есть проблемы с жильем, работает он в отрыве от семьи, а таких у нас еще немало, то, естественно, внимание его отвлечено на эти проблемы. Мы сегодня на работе больше заняты дележом мебели, а не делом. И при дележке остается немало ущемленных, обиженных. Это тоже отражается на безопасности.

В. Варицкий. И других факторов, отрицательно влияющих на настроение людей, у нас немало. Скажем, долгое время от коллектива скрывались сведения о внутреннем облучении персонала, о превышении предельно допустимых уровней концентрации альфа-активных нуклидов в районе третьего энергоблока. А нехватка белой спецодежды, а перегруженные санпропускники? Люди вынуждены переодеваться на лестницах и в коридорах.

И. Лавриченко. Не хватает специальных моющих средств. Руки как следует невозможно отмыть. Людям, особенно ремонтникам, которые работали в «грязных» помещениях, выдают хозяйственное мыло. Потом этот очаг излучения они несут домой.

В. Варицкий. На пропускниках, когда прибор показывает наличие загрязнения, фамилию человека записывают и он идет домой. Выносит с собой источник излучения.

И. Лавриченко. Или вообще находит обходной путь,

не проходит дозконтроль, чтобы и фамилии его не знали.

Я всегда удивлялся, почему пуск очередных энергоблоков, выполнение этапов каких-то работ всегда приходились на знаменательные даты, праздники. Какие специалисты считали, что именно к этим дням все будет сделано? То же сейчас с ремонтом энергоблоков. Почему именно 40 дней? Может быть, надо еще десять дней ремонтировать? А может быть, и меньше? Посмотреть надо, определиться, потом пускать блоки. А так выводим их из ремонта, зная, что существует масса недоделок. Это существенно отражается на безопасности станции. Для кого мы выдерживаем эти сроки? Ведь в ходе ремонта постоянно сталкиваешься с тем, что надо ремонтировать узлы и детали, о которых перед началом ремонта и не вспоминали. И, поскольку их ремонт не запланирован, начинается спешка, горячка, недоделки.

Еще до аварии было заметно, что делаем мы что-то не так. Сокращали сроки ремонтов на десять, на двое суток — лишь бы отпартовать, лишь бы галочку поставить. Вечная погоня за знаменами, отличиями, похвалой вышестоящих. А теперь снова начали возвращаться к старой практике. В аварии 1986 года обвинили персонал станции. А это не так. Виновата система, которая заставляет спешить, оставлять недоделки. И я не хочу, чтобы в случае чего вновь обвинили нас. И не хочу, чтобы такой случай произошел. Для того, чтобы станцию безопасно эксплуатировать, ее надо очень хорошо ремонтировать. И не в те сроки, которые нам спускает сверху «чужой дядя», ориентируясь на данные «с потолка».

— Что вы можете предложить, какие меры для повышения безопасности эксплуатации станции? Или, возможно, правы те, кто требует закрытия всех АЭС!

В. Варицкий. При всей неприглядности нарисованной картины говорить о закрытии атомных станций, в том числе и Чернобыльской, неразумно. Жить при свечах мы уже не сможем. Надо повышать безопасность, создавать условия для нормальной работы и жизни персонала и членов их семей. Другой альтернативы, кроме как улучшать то, что мы имеем, у нас нет.

Если говорить конкретно, то следует совершенствовать систему обучения персонала, привлекать для этой цели ветеранов с их богатым опытом работы и отличным знанием оборудования станции.

И. Лавриченко. Вернуться надо лицом к людям. Выполнить те обещания, которые дали, когда приглашали для работы на ЧАЭС. Это касается обеспечения жильем, мебелью, другими товарами и услугами. Выдерживать следует нормальную продолжительность рабочего дня для ремонтного персонала. Чтобы люди могли нормально трудиться и отдыхать.

В. Варицкий. Улучшать надо работу цеха радиационной безопасности и всегда говорить людям правду о тех воздействиях, которым они подвергаются. На самой станции улучшать бытовые условия. И еще одно. Сроки и объемы ремонтов энергоблоков должны определять те, кто непосредственно работает на них: мастера, бригадиры, рабочие. Даже директор станции не знает всех нужд и проблем. Не говоря уже о специалистах из министерства. Все должны определять специалисты на местах и нести за это полную ответственность. Нас долго отучали от ответственности персональной. Но без нее положения не исправить.

Перед аварией люди на станции были настолько подавлены, подавлена их инициатива, чувство ответственности, что некому было сказать: «Что вы делаете, так нельзя». Хотя все было достаточно очевидно. Авария на ЧАЭС — это последствия такой системы коллективной безответственности, безынициативности, безгласности. После аварии старый персонал, получивший жестокий урок, больше не молчал. Но сейчас, после смелых коллектива, опять активности поубавилось. Появились настроения побыстрее отделаться от порученной работы, уйти в сторону, не поднимать вопросов, не спорить с начальством. При этом некоторые идут на нарушения техники безопасности, рискуют своим и чужим здоровьем и жизнью, мастера снизили требовательность. Вновь рождается цепочка безответственности. К чему это приводит, мы знаем.

Записал Владимир САВРАН.